

В переднем дворе дядя Гуань и тетя Гуань с полными улыбок лицами угощали семью старосты Ма и звали их брать еду. Тетя Гуань знала, что условия в их семье уступают семье старосты Ма; если бы они всем правдами и неправдами не нашли сыну в городке место ученика, староста Ма ни за что не согласился бы выдать дочь за их семью Гуань.

И именно ради того, чтобы сын мог поднять голову, тетя Гуань и устроила такой богатый пир. И рыба была, и курица; тетя Гуань осмеливалась сказать, что во всех окрестных деревнях на десять ли никто не решился бы устроить такое.

— Родня, берите палочки, скорее пробуйте. Это повар, которого я специально пригласила; раньше он держал закусочную в городе, мастерство у него - что надо.

Гу Дао и его отец раньше действительно держали закусочную в городе. Пусть сам Гу Дао тогда не готовил, но ведь готовил его отец - разве не одно и то же? Тетя Гуань считала, что в ее словах нет ничего неправильного.

Услышав, что повара специально пригласили из города, староста Ма тут же довольно кивнул. И тете Гуань даже не пришлось долго уговаривать: он сам взял палочки и принялся пробовать.

Сначала он попробовал «Зеленые ивы встречают красный рассвет», то есть быстро обжаренный шпинат. В молодости староста Ма из-за бедности почти не учился, и именно поэтому особенно почитал ученых людей. Так что, едва услышав название этого блюда, он невольно проникся к нему симпатией и, естественно, попробовал первым. Шпинат был самым обычным овощем этого времени года; в каждом доме к трапезе часто жарили целую тарелку, ничего редкого в нем не было. Но эта порция жареного шпината перед ним сильно отличалась от той, что обычно готовили дома. Цвет шпината был свежее-зеленым, листья расправлены и аккуратно уложены на тарелке. В середине еще было немного чесночных ломтиков и нитей перца чили, добавлявших блюду несколько красок.

Староста Ма взял палочками немного шпината и положил в рот. Он почувствовал лишь, что во рту шпинат свежий и нежный, с легким чистым ароматом. Во время жевания еще ощущалась самая первозданная природная сладость шпината, и человек невольно погрузился в это наслаждение.

— Вкусно.

Стоило одной палочке шпината попасть в живот, как староста Ма невольно издал восхищенный возглас. Увидев, что он доволен, тетя Гуань тоже обрадовалась, а в душе еще сильнее прониклась благодарностью к Гу Дао.

— Лишь бы вкусно, лишь бы вкусно. Вот, попробуйте еще другое. Не хвастаюсь, но повар, которого я на этот раз пригласила, просто не умеет готовить невкусно.

Староста Ма кивнул, и в душе у него отчего-то поднялось предвкушение. Остальные младшие,

увидев, что он взялся за палочки, тоже с нетерпением принялись тянуться к блюдам. Когда еще шла свадебная церемония, они уже чувствовали аромат с заднего двора. Если бы не страх перед дедовским выговором, давно бы бросились туда просить еды. Теперь дедушка уже взялся за палочки, и они, конечно, больше не могли ждать ни мгновения: один за другим начали уплетать вовсю.

Кусок курицы, кусок картофеля, полный рот шпината, палочка рыбы - ели так, что весь рот блестел от масла. Перед глазами, кроме этих нескольких тарелок с блюдами, уже не осталось ничего другого.

За другими столами было так же. Бесчисленные пары палочек перекрещивались и словно дрались в тарелках. Никто никому не уступал: палочка за палочкой, все боялись, что стоит опоздать на секунду, и блюд уже не останется.

На деле так и было: стоило блюду попасть на стол, как его тут же быстро разбирали. Даже ту малость подливки, что оставалась на тарелке, дети подбирали лепешками и съедали. Тарелки после еды были чище, чем вымытые, так что женщина, подававшая блюда, едва не решила, что сама принесла пустые тарелки.

После того, как вино и еда были поданы, гости, наевшиеся до румяных довольных лиц, невольно принялись обсуждать этот свадебный пир.

Вкусно - в сердцах у всех осталось только одно это слово.

Деревенские люди были не слишком образованны и знали лишь одно: это было вкуснее любой еды, которую они когда-либо ели прежде. И ведь продукты явно были самые обычные, часто встречающиеся в деревне, но готовый вкус почему-то выходил в сто раз лучше, чем у них самих. К тому же названия блюд тоже звучали красиво, с первого слуха - празднично. Не зря повара пригласили из городка: сразу видно, необычный человек.

Кто-то с любопытством спросил у тети Люй, которая подавала блюда, из какого городского ресторана этот повар и сколько примерно стоит приготовить один стол такого пира. Если не слишком дорого, то потом, подкопив денег, можно было бы попробовать устроить несколько столов и для собственных детей, чтобы тоже вышло оживленно и празднично.

Тетя Люй мямлила, оглядывалась по сторонам, но так и не могла сказать. Как ей это было сказать? Семья Гуань уже объявила, что повар из городка; если она скажет, что это деревенский Гу Дао, разве это не будет срывать хозяевам сцену? Тогда в будущем, если у кого-то в семье случится дело, кто еще станет звать ее помогать на кухне?

Подумав об этом, тетя Люй тут же крепко сжала губы и, наугад найдя предлог, ускользнула на задний двор.

Поступок тети Люй вызвал у всех еще больше разговоров и пересудов: всем стало любопытно,

из какого же ресторана этот повар, раз он такой загадочный. А тот самый загадочный главный повар, о котором говорили все, к этому времени уже вернулся домой и ел обед вместе с супругом.

Только что дядя Гуань радостно прибежал на задний двор и заранее полностью рассчитался с Гу Дао за пир. Увесистые двести восемьдесят вэней, а вдобавок он еще положил Гу Дао немало оставшихся блюд. Гу Дао тоже не стал церемониться и все унес домой. Вернувшись, он разложил всё одно за другим на маленьком столике и вместе с Цзин Яо как следует поел.

Они наелись так, что оба без конца икали от сытости и, развалившись на стульях, совсем не двигались.

□□——

Получив деньги, Гу Дао стал строить планы насчет поездки в город. Во-первых, нужно было докупить домой риса и зерна, а во-вторых, лекарство супруга тоже уже подходило к концу, и его требовалось поскорее продолжить. Ради этого он специально сходил расспросить тетю Лю о положении в уездном городе; разумеется, те деньги за лекарство, которые он задолжал тете Лю, он тоже сразу отдал.

От тети Лю Гу Дао узнал, что место, где он сейчас жил, называлось деревней Люцунь, город Циннань. Такое название появилось потому, что в деревне было много семей с фамилией Лю. Их Люцунь среди нескольких окрестных деревень считалась довольно зажиточной, ведь находилась ближе всего к городу: пешком туда было всего четверть часа. Деревенским в обычные дни было очень удобно ходить в городок покупать и продавать вещи, а также подрабатывать.

В деревне были и молодые люди, не боявшиеся трудностей: они закупали товар в городке, а потом с коромыслом носили его по нескольким окрестным деревням и продавали, и это тоже приносило немалые деньги. Впрочем, если кто-то не хотел идти пешком, в деревне каждый день находились люди, которые правили воловьей повозкой между городком и разными деревнями; с человека брали всего одну медную монету.

Расспросив обо всём, Гу Дао на второй день сел на воловью повозку и отправился в уездный город. Воловья повозка, покачиваясь, ехала около одной чашки чая (10-15 минут), и прибыла в Циннань. Стоило въехать в городские ворота, как от ног Гу Дао прямо вперед протянулась широкая ровная улица. По обеим сторонам дороги не умолкали крики торговцев едой, разной мелочью и шелковыми цветами; между ними бегало и шумно играло немало ребятишек, и вокруг было очень оживленно.

Но Гу Дао не стал задерживаться. Едва сойдя с повозки, он направился прямо к клинике.

Клиника называлась «Юньхэтан»; в ней принимал только лекарь Юнь и, кроме него, было двое маленьких учеников-аптекарей. Когда Гу Дао пришел, людей в клинике было немного, что как раз ему подходило. Он подошел к лекарю Юню и протянул рецепт, который тот выписал в

прошлый раз.

— Доктор, я пришел купить немного лекарств.

Лекарь Юнь поднял голову, увидел, что это Гу Дао, и лицо его сразу потемнело.

Хотя лекарь не дошел до того, чтобы выгнать Гу Дао, но переданный ему рецепт он просматривал сверху донизу с особой тщательностью, словно боялся, что Гу Дао самовольно изменил предписание и воспользуется случаем купить у него какие-нибудь нехорошие вещи, чтобы потом вредить людям.

Гу Дао чувствовал себя ужасно неловко: перед лекарем Юнем ему было не по себе и стоять, и сидеть. Наконец он дождался, пока лекарь Юнь дочитает рецепт и отдаст его аптекарскому ученику, и уже хотел пойти вместе с учеником за лекарством, но увидел, как тот повернулся и ушел во внутренний двор, так что Гу Дао оставалось лишь снова сесть.

— У супруга в последние дни есть улучшение?

Юнь Чуань еще помнил, что это был очень красивый юноша; жаль только, судьба у него плохая, раз оказался с таким человеком.

— Немного лучше.

Гу Дао подробно рассказал лекарю Юню о состоянии Цзин Яо, не забыв даже упомянуть, сколько тот обычно ест и какие вкусы в еде любит; он боялся упустить хоть какую-то деталь, из-за которой лекарь не сможет понять состояние Цзин Яо.

То, что он рассказывал так подробно, заставило Юнь Чуаня слегка удивиться.

— Наблюдаешь ты, надо сказать, внимательно. На вид вроде человек, который заботится о супруге, так как же мог дать ему такое снадобье? — когда он говорил это, в его взгляде было невыразимое презрение.

Гу Дао чувствовал себя до крайности обиженным: тем снадобьем поил не он, а прежний владелец тела.

— Лекарь, я правда понял свою ошибку. Тогда мне на миг свиным салом замазало сердце. В будущем я точно больше не совершу такой глупости; если повторю, пусть меня Небо ударит громом.

Юнь Чуань, увидев, что Гу Дао даже такие слова произносит, немного смягчился.

— Людям нелегко стать супругами. Твой супруг и без того слаб здоровьем, тебе тем более надо быть внимательнее. Да, в это время ни в коем случае нельзя заниматься постельными делами; для твоего супруга это будет только полезно и совсем не вредно.

Услышав, что лекарь Юнь описывает его так, будто он какой-то похотливый извращенец, готовый хвататься за что попало, Гу Дао едва не захотел найти щель в земле и провалиться туда.

— Понял, доктор. Я точно не стану делать ничего безрассудного.

Только тогда Юнь Чуань довольно кивнул и уже собирался еще несколько раз наставить Гу Дао, как аптекарский ученик вышел с лекарствами в руках. Гу Дао поспешно принял их, быстро достал деньги и ушел почти бегом.

Покинув клинику, Гу Дао еще сходил в зерновую лавку. Купил два доу очищенного риса и два доу белой муки, всего потратив сто двадцать вэней. Рядом с зерновой лавкой находилась единственная в городке цзаофан - что-то вроде бакалейной лавки позднейших времен, где продавали повседневные базовые приправы вроде масла, соли, соевого соуса и уксуса.

Гу Дао, придерживаясь мысли «раз уж пришел, надо заглянуть», тоже зашел внутрь и обошел лавку, а в конце его привлек густой соус. Этот густой соус был приготовлен из маринованных соевых бобов, имел буровато-желтый цвет и плотную консистенцию; даже не подходя слишком близко, можно было уловить его особенный ферментированный аромат, с первого взгляда было ясно - хорошая вещь.

Где уж Гу Дао мог удержаться? Он тут же купил маленький кувшинчик, а еще попросил продавца налить цзинь рапсового масла. После всех этих покупок у бедного Гу Дао осталось всего шестьдесят вэней. Эти шестьдесят вэней он уже ни за что не осмеливался трогать и хотел лишь оставить деньги на случай будущей нужды, только перед уходом торопливо купил в куриной лавке большую курицу-несушку.

Обратно он всё так же ехал на воловьей повозке. Солнце высоко висело над головой, словно торопило работавших в полях крестьян скорее возвращаться домой. Под палящим солнцем все отряхивали пыль с одежды, взваливали на плечи сельскохозяйственные орудия и, болтая по дороге, шли по домам. Когда они приходили, женщины уже давно готовили еду и ждали только мужчин и детей, чтобы можно было начинать обед. Но, к сожалению, в пору, когда следовало бы есть с большим аппетитом, все сидели за столами и почему-то почти не хотели есть.

На столах стояли привычные блюда, которые они ели в обычные дни; более того, из-за хорошего урожая в этом году при жарке даже добавили на пол-ложки масла больше, но жители Люцуня всё равно ели как будто не чувствуя вкуса. А всё потому, что головы их были полны воспоминаний о свадебном банкете, который они позавчера ели в доме Гуань: те блюда, тот вкус - вот уж поистине были хороши. И не только мясные блюда были приготовлены отлично; даже жареный шпинат, которым они в обычные дни давно уже наелись до отвращения, оказался особенно ароматным.

Деревенские люди не имели большого кругозора и не знали, как это описать. В общем, было так вкусно, что забыть невозможно: даже ночью, лежа в постели, они всё еще причмокивали, вспоминая тот вкус.

В доме деревенского старосты Лю Пина, жившего в начале деревни, было точно так же. Особенно его старший внук, Лю Жуйцай: сейчас он катался по двору, бился и капризничал, требуя съесть ту самую курицу, тушенную с картофелем, что была на прошлом свадебном пиру. Не дадут - не будет есть.

Старуха Лю уговаривала его и так и эдак, почти до дыр стерла губы, но так и не смогла остановить слезы. Видя, как внук плачет до хрипоты и уже осип, она от тревоги вся покрылась потом.

— Сокровище мое, разве бабушка не приготовила тебе тушеную курицу? Такая же вкусная.

Лучше бы она этого не говорила: стоило сказать, как Лю Жуйцай заплакал еще сильнее.

— Это вовсе не тушеная курица! Я хочу тушеную курицу, туше... ик... ную курицу!

Говоря это, он еще и всхлипнул икотой, отчего сердце старухи Лю болезненно сжалось от жалости. Она посмотрела на тушеную курицу на столе, только что приготовленную ею. На этот раз она даже положила на две ложки свиного жира больше; домашним не досталось, всё было специально для ее драгоценного внука. Так почему же невкусно?

Она вопросительно посмотрела на своего старика, желая спросить, чего же именно не хватает ее курице, но кто бы мог подумать, что ее старик тоже разочарованно покачает головой.

— И правда, вкус не тот.

Старуха Лю остолбенела. Неужели та тушеная курица была настолько вкусной?

К слову, вышло неудачно: в день свадебного пира семьи Гуань у ее братьев со стороны родного дома случилось какое-то дело, и она съездила туда, как раз пропустив застолье. Впрочем, старуха Лю прожила уже целую жизнь, каких пиров она только не ела, поэтому и не приняла это близко к сердцу. Но с тех пор как ее драгоценный внук вернулся, он всё время твердил о тушеной курице с того свадебного пира, и даже ее старик говорил, что было вкусно.

У старухи Лю невольно поднялся дух соперничества. Подумаешь, тушеная курица, разве она сама не умеет готовить?□

Подумать только, в молодости она, старуха Лю, служила горничной в доме юанье в городке и тоже выучила несколько приемов. Она тут же пошла на кухню и с грохотом да звоном нажарила своему драгоценному внуку целую тарелку. Но когда она с полной уверенностью

вынесла блюдо, драгоценный внук не согласился: плакал и шумел, повторяя, что это не та тушенная курица, отчего старуха Лю испытала доселе небывалое поражение.

Она немного бессильно похлопывала своего драгоценного внука и уже не знала, что сказать, как вдруг услышала голос своего старика:

— Ладно, хватит плакать. Вставай, съешь рис, а потом я поведу тебя есть тушеную курицу.

Плач оборвался мгновенно. Лю Жуйцай поднял маленькое лицо и сквозь слезы посмотрел на деда.

Лю Пин изначально уже немного устал от его плача, но, глядя на раскрасневшийся от всхлипываний нос своего внука и полные ожидания глаза, сразу перестал сердиться, и голос его тоже смягчился.

— Когда это дед тебя обманывал? Скорее вставай и ешь.

Услышав это, Лю Жуйцай проворно поднялся с земли, похлопал маленькими руками, взял чашку с рисом и принялся есть с громким стуком, словно тот, кто только что катался по земле и вопил, был вовсе не он. Эта выходка рассмешила Лю Пина, но едва он обрадовался, как услышал, что его невестка рядом тревожно сказала:

— Отец, я слышала от людей в деревне, что семья Гуань пригласила повара из города, это ведь...

Это ведь слишком дорого, разве нет?

Оставшиеся слова Чжан Жумэй не осмелилась произнести. Хотя семья Лю была семьей деревенского старосты, жизнь у них была немного лучше, чем у прочих деревенских, лишь благодаря ее мужу Лю Фу, который работал управляющим в городке. Но даже при этом они не смели запросто ходить есть в городские рестораны. Тем более Чжан Жумэй еще собиралась после Нового года отправить Лю Жуйцай в городок учиться. А это были немалые деньги; как можно было тратить их бездумно?

Разве Лю Пин не знал, что это дорого? Но что поделать, если его драгоценный внук так любит это есть. В их семье три поколения рождалось по одному сыну, и вот теперь появился этот единственный старший внук, разве могли они не держать его на ладонях, как сокровище? Даже имя ему специально ходили выбирать к господину сюцаю в городке.

Неужели можно позволить, чтобы из-за какой-то тушеной курицы старший внук голодал?

Лю Пин нетерпеливо махнул рукой, останавливая дальнейшие слова невестки. В душе он подумал: пусть даже будет дорого, сегодня он всё равно решится на это.

<http://bllate.org/book/17822/1699712>